

Университет как моральный мир

Аннотация. Статья посвящена обсуждению вопроса о положении университетов в современной России. Автор считает справедливым говорить о процессах де-университизации, которые выразились в тенденции утраты высшей школой своего влияния в обществе. Университеты под воздействием бесконечных реформ высшего образования стремительно теряют идентичность, превращаясь в безликие социальные институты. В таком виде они больше не соответствуют ожиданиям общества и частично теряют востребованность у молодежи. Указанное положение дел вытекает из общей логики развития любой нестабильности в обществе. Университеты в России никогда не были защищены от социальных потрясений и часто становились их первыми жертвами. Во многом это происходило из-за особого положения высшей школы, которая руководствовалась идеальными целями науки и образования, часто не замечая грозящих опасностей. При этом сами университеты критично воспринимали себя, свои достижения и роль в окружающем мире и часто не могли дать отчета о своей работе. Все эти соображения – стремление к идеальным целям и честное, иногда уничижительное, отношение к себе автор называет «моральным миром» и показывает, что продолжающаяся де-университизация общества неизбежно приведет к его деморализации.

Ключевые слова: этика, академическая этика, мораль, ответственность, образование, наука, ценности.

Вопросы, поставленные НИИ Прикладной этики, как всегда, звучат чрезвычайно актуально, а на этот раз, можно сказать, даже драматично. Первый из них вопрошает, востребовано ли само имя «Университет» в нашем мире? Обладает ли оно такой же значимостью и авторитетом, как раньше? А если мы ответим положительно, то почему в таком случае происходит процесс, называемый авторами «де-университизация», или «деконструкция» университета? Уместно вспомнить, что в советское время вместе со словом «университет» использовался термин «институт», но сейчас институты ушли в прошлое; иногда они обозначают название факультета в рамках крупного вуза, но достаточно редко. Наряду с университетами, появились «академии», «национальные исследовательские центры», «высшие колледжи» и другие экзотические обозначения. Но надо все-таки признать, что университет остается самым распространенным наимено-

ванием высшей школы. Но мы понимаем, что источник тревог – не в смене названий. Университет как важный общественный институт настолько вошел в отечественную культуру, что само слово никогда не исчезнет. Опасно другое, скорее всего, в вопросах НИИ ПЭ именно это имеется в виду: высшая школа стремительно теряет своё привычное положение в обществе, а если видеть процесс изнутри, то, можно сказать – теряет свою идентичность.

На первый взгляд, университеты по-прежнему пользуются уважением: большинство родителей хотят, чтобы там учились их дети, немало и тех, кто желал бы там работать. Однако все, кто не равнодушен к судьбе университетов, понимают, что за два последних десятилетия высшая школа превратилась из места обитания *высокой* науки и культуры – в банальную ступень социализации молодежи, стандартный «социальный лифт». Причем в такую ступень, где её население чувствует себя с каждым годом менее комфортно и тревожно. Процессы социализации, несвойственные привычной вузовской среде, выражаются в недавно появившихся в вузе элементах воспитательной работы, в установлении жесткой начальственной иерархии, в приобщении к идеологии, деловому миру и т.д., при этом *высокой* культуры становится все меньше. Согласно самой идее университета, какое бы направление ни избрал студент, образование должно ему дать самый широкий кругозор – показать, как его специализация встроена в мир наук и социальную систему. Но об этом сейчас трудно говорить: университетское образование смещается в сторону сугубо инструментальных навыков, больше подходящих для деловой сферы, но мало приспособленных для продвижения фундаментальных наук.

Деградация университетской культуры, затронувшая все её стороны, – одно из самых прискорбных явлений в истории новой России. Об этой деградации, которую можно также назвать «де-университизацией», много уделялось внимания на страницах журнала «Ведомости прикладной этики». Трудно сказать, зачем власти от образования с таким усердием ломали то, что не создавали, и то, что когда-то им самим дало образование хорошего уровня. А главное, непонятно, ради каких целей это делается. Все цели реформы образования – крайне туманны и меняются едва ли не каждый год, в то время как основа для совершения реформ, т.е. сами университеты, не становятся более влиятельными в обществе. Скорее реформы превратили их в малозаметные бюджетные организации, раздающие большому количеству населения высшее образование, причем в той редакции, как его понимает государство. Случаи, когда университеты стали крупными центрами науки и культуры, определяющими интеллек-

туальный фон целых регионов – крайне редкие. Во многом это происходит потому, что университетская жизнь сегодня (как её воспринимает большинство сотрудников) – сплошной хаос, где никто не знает, с чем придется столкнуться завтра, а значит и невозможно планировать долгосрочные проекты. Ясно только одно: этот хаос все дальше уводит от творческих научных исследований и педагогической работы – главных задач университета. Жизнь рядовых сотрудников часто превращается в имитацию научной и учебной деятельности, загруженную большим количеством бумажной работы, требования к которой также меняются едва ли не каждый год.

Административный хаос – от которого пострадали в первую очередь студенты, чьи надежды на нормальный уровень образования очень пошатнулись – серьезно сказался на положении университета в обществе. Нынешние студенты – люди чрезвычайно коммуникабельные в сетевом пространстве, поэтому все беды и внутреннее состояние университетов, помноженные на заряд разочарования от учебы, широким потоком выливаются в виртуальный мир и негативно влияют на оценку обществом высшего образования. В итоге некоторые университеты теряют образ интеллектуального центра и в глазах заинтересованных лиц обретают статус банальной бюрократической организации. Такой «де-сакрализированный», а вернее «де-интеллектуализированный» университет становится неинтересным ни бизнесу, ни общественным организациям, ни научно-исследовательской сфере, ни (что самое плохое) любознательным абитуриентам и тем, кто хотел бы продолжать обучение. Характерно, что в многочисленных рейтингах доверия к социальным институтам, публикуемым различными социологическими службами, находится место и власти, и армии, и церкви, и НКО, но никогда – высшей или средней школе. Будто их вообще нет в обществе, либо они никак на него не влияют. Однако есть очень тревожные данные, говорящие, что интерес выпускников школ к поступлению в вуз упал чуть ли не вдвое [1], и только треть россиян (по данным ВЦИОМ) оценивают систему образования как «хорошее» или «отличное», 42% как посредственное, и ещё 21% считают его «плохим» или «очень плохим» [4]. Любопытна также другая цифра из этого опроса: 62% россиян не видят связи между уровнем образования и материальным благополучием человека. То есть, согласно убеждению большинства, можно быть успешным и необразованным, и наоборот, иметь высшее образование и быть при этом бедным. Такая позиция говорит о серьезном разочаровании, и как следствие – о тенденции к признанию ненужности высшего образования как такового. А если оно не нужно, то напрашивается вывод о не востребоваемости самих университетов. Можно

сказать, что здесь мы имеем дело с некой «народной де-университизацией», и она опаснее всего.

Тем не менее, несмотря на не самые лучшие оценки общества деятельности университетов, значительная часть молодежи по-прежнему стремится поступить в вузы. Однако здесь они могут столкнуться с различными демотивирующими факторами, главный из которых, на данный момент – пандемия коронавируса, длящаяся уже два года, и не имеющая пока перспективы завершиться в ближайшее время. Эту ситуацию усугубило и холодное отношение власти к высшей школе, и само хаотичное состояние университетов. Первое выразилось в то время, когда образовательные учреждения были «назначены» едва ли не главными рассадниками заболеваний, и вузам было предписано значительные средства тратить на борьбу с болезнью. Можно только представить положение провинциальных университетов, вынужденных в ситуации хронического недофинансирования выполнять все более дорогостоящие требования. Второе обстоятельство привело к тому, что университеты не смогли оперативно реагировать и переходить несколько раз от очной формы работы к дистантной или гибридной и выходили из этой ситуации с большими или меньшими потерями. Но главный удар, как всегда, пришелся на учащихся, потерявших много ярких и важных событий из студенческой жизни. Исчезли конференции, обсуждения, мастер-классы, были остановлены программы стажировок, практик и всех культурно-массовых мероприятий; все то, что на самом деле воспитывает интерес к исследовательской деятельности. Даже жизнь студентов в общежитии с ее неповторимой культурой деградировала; во многих вузах общежития опустели. Обучение свелось к унылому посещению учебных занятий, нередко в онлайн-режиме. Далекое не все педагоги поняли, что обычный формат занятий не подходит для дистанта, его надо серьезно трансформировать с учетом требования виртуального мира. Слушатели сразу почувствовали, что их фактически обделяют. Однако в процессе получения в образования, такая ситуация серьезно снизила мотивацию к учебе. Если же допустить, что пандемия будет, скорее всего, продолжаться все четыре года обучения студента, то выпускники воспримут это время как потерянное для приобретения профессии с новой неизбежной долей разочарования в университете. Но самое плохое, случившееся с высшей школой в условиях пандемии, – её фактическая изоляция от общества в результате сворачивания и без того редких образовательных программ дополнительного образования для школьников и взрослых, а также исчезновение культурных событий. Это ещё больше подорвало влияние вузов на общество.

Можно ещё долго сгущать краски относительно современного положения университета. По сути, он оказался между молотом глобальных вызовов и наковальней непонятной государственной политики в области науки и образования. Но все-таки надо понимать, что многое, случившееся с университетом, – вполне закономерное следствие его особого положения в обществе. Исторически так складывалось, что все уникальное, интеллектуальное и возвышенное было очень хрупким и разбивалось под ударами сокрушительных социальных сил. Университет всегда был слишком уязвим перед политическими и экономическими опасностями, а государство его редко защищало. А если и защищало, то ставило перед ним требования, которые шли вразрез с привычной академической культурой. Только в эпохи национального подъема или самого высокого уровня экономического благополучия университет чувствовал себя спокойно, но как только наступал кризис – про него в лучшем случае забывали, а в худшем назначали на роль источника многих бед. Кроме того, университет жил всегда неким идеальным содержанием, «ориентацией на идеал, к которому реальность лишь приближается» [6, 38], иногда не замечая, как меняется окружающая жизнь, и не чувствуя опасностей.

Но был ещё один фактор, ставивший университет в сложное положение в условиях нестабильности. Высшая школа никогда себя не идеализировала и не желала, чтобы её идеализировало общество. Самые критические, а иногда уничижительные оценки её работы давали именно интеллектуалы, выпускники лучших университетов своих стран. Скептицизм и неверие в их возможности сопровождали университеты, начиная с Возрождения, через А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, и вплоть до «Ното academicus» П. Бурдьё [2] и «Университета в руинах» Б. Ридингса [5]. По их убеждению, университет погружился в повседневность, в то время как его задача – воспарять вне её и служить поиску истины, либо создавать гениев. Самокритичный настрой всегда витал в стенах высших учебных заведений; многим сотрудникам казалось, что они не соответствуют возвышенным задачам, сбиваются на мелочные цели, живут старыми идеалами. Именно такое умонастроение заставляло его не застыть в своем нынешнем положении и двигаться вперед. Моральная слабость выражалась и в том, что университеты не всегда отчетливо осознавали свое назначение, и каждый, причастный к его работе, понимал задачи по-своему. Университеты никогда не могли строго отчитаться о собственной работе, поскольку их цели лежали вне этого суетного мира и касались мира умопостигаемого («космос наук вплоть до универсальной ориентации в мире» [6, 37]), понятного только тем, кто в нем живет. Смутно население университета пони-

мает, что трудится ради повышения культурного уровня общества, развития интеллектуального мира и только в последнюю очередь – ради развития «высоких технологий». Но такие задачи невозможно сформулировать в цифрах и, кроме того, между добытым знанием и воплощением в практику есть много посредников. Университет только добывает знания, но возможностей в их использовании на благо общества у него почти нет. Единственный надежный результат, которым мог бы отчитаться университет, – это количество выпускников, продолжающих его дело, т.е. воплощающих идеалы науки и образования, столь важные для стран, стремящихся к развитию.

С другой стороны, моральная слабость университета оборачивается его же моральной силой. Несмотря на существенный мотив скепсиса к собственному положению, университет, хотя бы на уровне деклараций, всегда ориентировался на наивысшие образцы академической работы, не желая оказаться на среднем уровне. В своих лучших образцах высшая школа никогда не была настроена на получение прибыли, руководствовалась стремлением к научной истине, но при этом желала быть открытой и полезной для общества. Положение университета похоже на то, как И. Кант охарактеризовал моральный мир, который «мыслится только как умопостигаемый, так как в нем мы отвлекаемся от всех условий; (целей) и даже от всех препятствий для морали (слабость или порочность человеческой природы). Следовательно, в этом смысле он есть только идея, однако практическая идея, которая действительно может и должна иметь влияние на чувственно воспринимаемый мир, чтобы сделать его по возможности сообразным идее» [3, 663]. Здесь все про университет: и мир разума, желающий исправить чувственный мир, и ареал стремления к истине, не признающий препятствий. В этом мире большинство сотрудников понимает, что не всегда соответствует уровню университета, что от них требуется больше усилий, а их уровень знаний – всегда недостаточный. И сейчас, в эпоху дистантного и гибридного образования, это ощущение особенно сильно. На выполнение новых, непривычных бюрократических требований уходит много сил, из-за этого исчезает живой контакт со студентами и время на саморазвитие. Понимание своего несоответствия идеалу придает сотрудникам особенную интеллектуальную скромность, критичность, и, как следствие, не дает ни им, ни всему сообществу выступать авторитетами в жизненных вопросах. Быть моральным миром – не означает быть моральным авторитетом, т.е. иметь право учить общество, как ему жить. Напротив, университет критично настроен даже по отношению к аутентичным ему областям науки, образования и культуры, и совсем ему неудобно говорить о политике, моде, спорте, социальных

процессах, хотя все вокруг только об этом и говорят. Он просто считает все это незначимым: его поле деятельности – это мир углубленных исследований, который нельзя перевести на язык поверхностных комментариев в СМИ. Его дело – это не участие в повседневных обсуждениях, а скорее поиск надежных аргументов для таких обсуждений, которые могут обосновывать те или иные решения. Университет слишком маловлиятелен, чтобы, к примеру, участвовать в создании политической идеологии, но его влияния может хватить, чтобы не дать обществу отравиться ошибочными идеями.

«Моральный мир» – это, возможно, самое точное обозначение университета в его нынешнем положении. Причем здесь речь идет об экзистенциальной морали, которая остро переживает несовершенства своего существования и изъяны окружающих условий, но при этом продолжает верить в свое назначение. Как и в морали, университет всегда недоволен собой, судит себя самым строгим судом, но при этом его путь в мире понимался как школа академической добродетели и педагогического служения. Моральный мир всегда слаб, не имея за собой каких-либо влиятельных институтов общества, т.е. не обладая инструментами насилия, но силен в деле следования самым высоким, идеальным требованиям. Именно идеальная составляющая заставляет многих сотрудников до сих пор мириться с непонятными, часто неразумными, а иногда и унижающими их достоинство приказами, и пока массово не покидать университеты. Моральный мир не имеет четкого представления об идеале, к которому стремится, однако точно знает, чего он никогда не сможет одобрить, что чуждо и возмутительно для него. Например, трудно представить, чтобы университет одобрил свое окончательное превращение в безликую корпорацию бизнеса, где царят жесткая иерархия, целевые показатели и технологии комплаенс. В таком случае исчезнет все уникальное, что есть в нем, а именно – стремление к бесконечному самосовершенствованию, к открытию новых горизонтов в интеллектуальном мире.

Сейчас российский университет занимает ярко выраженное промежуточное положение в обществе, которое, как известно, наиболее опасно. Те, кто застрял между различными классами, группами, возрастами, статусами (например, лица без гражданства, выпускники вузов, не нашедшие работу), либо в прямом смысле между жизнью и смертью, – часто не зависят только от себя и вынуждены надеяться на помощь со стороны. Так и университет оказался помещенным между требованиями государства, желающего включить его в свою структуру в качестве малозначительного социального института, где цели его работы будут спускаться исключительно сверху, и

запросами очень активного слоя общества, воспитанного на идеалах массовой культуры и требующего от высшей школы быть более приземленной и понятной массам, т.е. ориентироваться на некие, в большей степени подростковые, модели поведения. Государство не дает университетам широкие академические свободы, опасаясь независимости высшей школы, а массовая культура не желает ему оставить право на самостоятельное развитие, внешне непонятное тем, кто формировался под влиянием современных информационных потоков. Движение как в одну, так и в другую сторону, окончательное вращение либо в государственную структуру, либо в среду массовизации (или же сразу в обе, довлеющие над университетом реальности) будут означать крах высшей школы как самостоятельного, уникального мира, т.е. полную де-университизацию. Но надо понимать, что исчезновение университета как морального мира будет также неизбежно означать де-морализацию всего общества. В социальном пространстве останется слишком мало мест, где люди могли бы стремиться к саморазвитию из бескорыстных, возвышенных соображений, где бы они могли обретать свое призвание, либо просто размышлять на вечные, неутилитарные темы, а сообщество поддерживало бы их в этом стремлении. Какой удар придется на общий культурный уровень – это ясно и без дополнительных пояснений. Наше общество в плане образования никак не придет в себя после сокрушительных реформ средней школы, а без аутентичной высшей школы оно может ещё глубже увязнуть в состоянии культурного нигилизма.

Выход из промежуточного состояния для университета возможен при условии, если найдется ещё одна общественная сила, заинтересованная в прогрессивном развитии страны и потому желающая процветания средней и высшей школе. Это могут быть профессиональные союзы, общественные или региональные движения, социально ответственные корпорации бизнеса, интеллектуальные круги. Но трудность в том, что в нашем обществе они пока сами очень слабы и не могут стать надежной социальной и организационной базой для развития университетов.

Список литературы

1. Баландина А. Учеба со слезами на глазах: почему россияне не хотят поступать в вузы // URL: <<https://www.gazeta.ru/social/2021/03/20/13518608.shtml>>
2. Бурдьё П. Homo academicus. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 464 с.

3. *Кант И.* Соч. в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 199с.
4. Образование в России: востребованность, доступность, качество // URL: <<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obrazova-nie-v-rossii-vostrebovannost-dostupnost-kachestvo>>
5. *Ридингс Б.* Университет в руинах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 305с.
6. *Ясперс К.* Идея университета. Минск: БГУ, 2006. 159 с.